

Тычет старей колхозной гвардии

О них в наших колхозах говорят любовно, нежно: «Это наши старички сделали!». На стариков, которые до войны жили на пенсии и на иждивении сыновей и дочерей, радуясь жизни, возложили ответственные обязанности в колхозах.

Они — наиболее опытные кадры, старая колхозная гвардия. Они сменили своих сынов, ушедших на фронт. Они стали председателями колхозов, бригадирами, полеводцами и хозяйственниками. Они, не считаясь с годами, встали на плуг, за сеялку.

Ниже мы печатаем рассказы о своей работе стариков-колхозников. Чему учат их рассказы? Партийные и земельные органы районов обязаны уделять больше внимания старикам-колхозникам, поднять эту силу и сполна использовать для колхозного дела. Знать стариков, их деловые качества и в соответствии с ними смело ставить их на решающие участки полеводства и животноводства.

У стариков богатая копилка опыта. На их опыте надо учить новые кадры. В частности, партийным организациям и земельным органам, создавая в колхозах массовые курсы и школы по изучению агротехники, надо широко привлекать в качестве лекторов стариков-колхозников и весной снова возродить институт инспекторов по качеству.

ИТТИ ДАЛЬШЕ, В ГОРУ ПОДНИМАТЬСЯ!

О нами, стариками, всегда сочувствовали. Уж кто, кто, а мы, прожившие десятки лет на одном месте, знаем поля, землю, как свои пять пальцев. Знаем, где лучше родит, а где хуже, знаем, какая земля чего требует. И хозяйственный опыт у нас побольше, чем у молодых.

До войны я был конюхом. А в нынешнем году, после изгнания немца, лошадей у нас не осталось, и я в полеводство ушел. Полеводство требует опытных людей, а их также мало.

Взялись мы пахать на коровах. Не все умели на них работать. Тут много терпения надо. Поручили мне обучать коров, вроде инспектора из меня сделали. Брал я каждую корову по очереди и по дню на ней работал. Десятка полтора обучил.

Надо было сеять, меня сеяльщиком выделили и одновременно инспектором по качеству. Должен был я за пахотой и за севом следить, и тут мне пришлось молодым указывать и советовать.

Босили дуг. Косари—женщины, тоже непривычные. Учид, как косу отбить, как держать ее.

Вот я и думаю: если нас, стариков, расставить меж молодых на разных работах, мы большую пользу принесем, скоро людей обучим.

С полевыми работами мы ничто ничего справились. Теперь нам правильно советуют итти дальше, выше урожай поднимать. Значит, надо снег задерживать, навоз собирать, семена отсортировать, упряжь, повозки к весне исправить, все подготовить, как к бою.

Скажем, снег задерживать,—пошли туда одних малолеток—базарство одно будет, а нам надо хозяйский глаз—как, с какого конца, где сетки поставить, где свежие сугробы делать. Там я пригодился опытный старичок.

Или опять же навоз. Мы вместе с председателями, бригадирами, звеньевыми будем определять, куда надо больше навоза вывезти, как сложить его и как разбросать весной. И на этом деле старик пригодится. А весной перед севом надо стариков по бригадам распределять и в каждой бригаде инспектора по качеству, как до войны было, выделять. Это жизнью проверено, опытный может много ошибок предупредить на севе.

И так думаю, что надо бы в районах нас, стариков, собрать, да поговорить о работе зимой и весной на севе. Это не мешало бы сделать.

И. НАМЕНЕВ,
колхозник артели «Зават Ильича»,
Щигровского района.

ВМЕСТЕ С МОЛОДЫМИ

20 месяцев хозяйничал в нашей «Отраде» немец. 20 месяцев мы в земле сидели. Ничего страшнее за свою жизнь не видели. Убить, избить человека немцу—раз плюнуть. Почти всех молодых людей из села угнали в рабство. Дочь мою, ей 17 лет, Батю насильно увезли, и не знаю куда. Целые семьи угонили—и старых и малых. Наполеону опустело наше село. Хозяйство колхозное разрушили.

И вот, когда пришли наши, осталось у нас в селе из мужчин два старика—я и Петр Гаврилович Суханов да еще несколько подростков. Не сидеть же нам, не плакать. Избрали председателем расторопную женщину—Анастасию Баранчикову и стали хозяйство возрождать. Ходили мы по селу, плуги какие были собрали, потом как умели отремонтировали.

На оставшихся коровах пар вспахали и вдвоем с Сухановым 80 гектаров озимых посеяли. С ним же 5 гектаров дугу скопили для будущего животноводства. С ним же и с ребятами зяби пахали и постройки восстанавливали. И вот теперь у нас большая половина зяби поднята, конюшня отремонтирована и помещены для овец, свиней подготовлены. Тут нам 5 лошадей дали, 5 зв-

номаток, 5 своих телок свели. Это для начала, а на следующий год кур заводим. В селе вот ни одной курицы, но район обещал нам подсобишь.

Анастасия Баранчикова всегда с нами советуется.

— Ваше дело, говорит, молодых к работе приучать.

Это правильно. Мы с Сухановым перебрали людей, кто может зяби пахать, и выбрали с десяток подростков. Их называют молодежной бригадой. И мы в эту же бригаду вошли. Показывали ребятам, как плуг наладить, как держать его. В бригаде в этой есть даже 11-летние, а жизни еще ни за что не брались. И что же, ребята смекают быстро начали и пахали за мое почтение, нормы выполняли.

Весной у нас с ними дела еще лучше пойдут.

Конечно, если бы мы с Сухановым только вдвоем работали, мало бы сделали, а вот если нам, старикам, молодежь да женщины еще лучше организовать, можно еще большую пользу дать. Люди у нас прямо золотые—все рвутся к работе, откуда у них и сила берется!

Д. ИВАНЧЕНКО,
колхозник артели «Отрада»,
Глузновского района.

Каждому из них более 60-ти лет, но все они, несмотря на свои годы, работают на благо родины, на помощь фронту. Старая колхозная гвардия—на боевом посту. На снимке (слева направо): Ф. Ф. Кулабухов—колхозник артели «Октябрь», Прохоровского района, И. А. Красников—председатель колхоза «18 парт'езда», Белгородского района, и Д. П. Иванченко—колхозник артели «Отрада», Глузновского района.

Фото В. Стрельца.

ТРИ ВСТРЕЧИ

В осенний дождливый день машина секретаря райкома застряла на околице небольшого села. Пришлось выйти на почтовую в первую попавшуюся хату. Это был колхоз им. 18 парт'езда, что в Белгородском районе.

Нас встретил белый, как лунь, но крепко сложенный и бодрый не по летам старик, Иван Антонович Красников.

За чашкой чая гостеприимный хозяин познакомил нас с сыновьями—Андреем и Тимофеем, вернувшимися с работы, с невестой, с женой. Снял со стенки фотокартонку. Это Дмитрий—курсант летной школы.

— Орлы они у меня—сыновья,— гордостью сказал Иван Антонович. Тимофей и Андрей рассказывали о колхозных делах, о хлебе, о трудностях, которых заработали большие вехи.

То было перед войной. Второй раз мы были в селе в августе 1943 года. Вспомнили семью Красникова, зашли на минутку—и встретили только женщин. Старик, ушел на собрание.

Еще отчетливо доносилась артиллерийская канонада, недалеко шел бой с отступающими немцами, а тут уже возрождалась жизнь. Шумное собрание. Избирали председателей артели.

— Кого же, как не Ивана Антоновича? Хозяйственный человек, верный, пусть походит на старости, больше некому.

Иван Антонович принял доверие народа в самое трудное время. Андрей с Тимофеем—где-то на фронте. Сражается с фашистскими стервятниками Дмитрий.

Иван Антонович говорил тогда: — Сынам нашим небось трудно. А мы появляемся с разрухой по-стариковски.

...Прошло пять месяцев после освобождения села и мы встретили Ивана Антоновича в зале областного совещания передовиков сельского хозяйства. Пропитым лучшим из лучших довелось быть на нем. Значит, старик, как обещал, умело сводил счёты с хаосом, который оставил немцы.

Он рассказывает: — Жаркое лето было. И трудное, очень трудное. Помните, ни посевов, ни инвентаря. Только остоны конюшней и амбаров остались. Сеять надо было, а лошадей и в помине не было, из 70 коров у колхозников 26 осталось.

Признал я спервоначалу Василия Григорьевича Черных и Григория Григорьевича Яковлева, наших стариков, сверстников по годам.

Вместе, говорю, ребятами играли, вместе и теперь на старости. Выручайте, говорю,—поручаю вам сев.

Старички-активисты, переговорили с женщинами и всех коров на пахоту выгнали. Сами рассевали зерно, 128 гектаров озимых посеяли. А

такую разруху, шутка сказать, а столько же, сколько мы и до войны сеяли! Зяби допахиваем. Хлеб, какой был убрали, обмолотили и семенами запаслись.

Теперь Григорий Григорьевич за животноводство взялся. Хоть платонские у нас платники остались, но под его руководством конюшня на 70 голов и 2 хороших амбара восстановили. Это работа платника-старика Ивана Николаевича Ермакова. Немец у нас и пера от птицы не оставил, а сейчас уже доставлено к нам 50 кур—подарок телеграфных колхозников. Телят своих на ферму свели.

Бригадир Максим Митрополит Кирееву уже 60 годов. Он у нас по полеводству работает. На пахоту ребята подбег.

Иван Антонович рассказывает о своих планах. Тут и инвентарь пополнить, и обречь для коров сготовить, и людей подготовить так, за зиму, чтобы весной посеять обязательно больше плана, почти что столько, сколько до войны.

Андрей на-днях вот письмо прислал. Из-за Днепра пишет. Бьет, говорят, немца, отец, чтоб от него и запаха не осталось.

Шутка сказать, в августе немцы у нас еще безобразничали, а уже за Днепром его гонят.

Уж тут нам, старикам, отставать от сынов стыдно!

И. ДОРОШЕНКО.

Моя работа

Я из Прохоровки. Прохоровку нашу, небось, теперь все знают,—это на нее в июле немец силой несметной шел.

Наш колхоз «Октябрь» вблизи, 6 километров от нас фронт был. Не мы работали, знали, что разобьет Красная Армия немца. Так и вышло.

Вот моя работа за лето: 24 гектара хлеба вручную скошил, 35 га озимых посеял, 23 гектара на двух коровах (на своей и соседской) вспахал паром и зяби. Все это сам. А мне уже под 70 лет. Раньше столько и молодой не делал.

Нас, таких старичков, в колхозе семеро. Все мы работаем, а с нами молодежь. Я с внуками Верой и Петром пахал. Хорошо они работали. Григорий Кулабухов, И.

с нами пахали. Они так прирастались, что потом и нас, стариков, обгоняли.

Только одним я недоволен. Мало да нас, стариков, внимания обращают. Чтобы поговорить, может, посоветоваться, может рассказать, что на свете делается, этого не бывает.

У меня большое горе. Дочь мою Софью немцы угнали. И думаю я о ней день и ночь, как вернуть ее. На Красную Армию надеюсь и Красной Армии помогал. Народом хлеба больше—еще сильнее армия станет. Доберется она до этой самой, да проклятой гитлеровской Германии!

Ф. КУЛАБУХОВ,
колхозник артели «Октябрь», Прохоровского